

УДК 821.161.1-1
ББК 83.3(2=411.2)64-45
DOI: 10.46726/H.2020.4.1

Е. Е. Андреева

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ СУБЪЕКТНО-ПРОСТРАНСТВЕННЫХ МОДЕЛЕЙ В ЦИКЛЕ «ЖИЗНЬ В ПРОСТРАНСТВЕ» Г. РЫМБУ

В статье предлагается анализ основных пространственных моделей в стихотворном цикле Г. Рымбу «Жизнь в пространстве», освещается принцип взаимодействия различных типов пространств в текстах. Акцентируется внимание на роли социально-политического пространства и его влиянии на формирование прагматики высказывания. Галина Рымбу прорабатывает пространство политической травмы и личного опыта, который вписывает в современный общественный контекст. Телесное пространство становится объединяющей силой, через которую происходит рождение нового мира, сводящего природное, информационное, когнитивное пространства. Поэтический текст становится способом преодоления ограничений, а пространство личного, осмысляемое Рымбу в контексте современной политической ситуации, становится триггером, провоцирующим смену оптики с гражданско-правовой на субъективно-доверительную.

Ключевые слова: субъектно-пространственные модели, прагматика высказывания, телесное пространство, инновативная поэзия.

Е. Е. Andreyanova

FEATURES OF REALIZATION OF SUBJECT-SPATIAL MODELS IN THE CYCLE “LIFE IN SPACE” BY G. RYMBU

The article offers an analysis of the main spatial models in the poetic cycle of G. Rymbu “Life in Space”, highlights the principle of interaction of different types of spaces in texts. The attention is focused on the role of the socio-political space and its influence on the formation of pragmatism of the statement. Galina Rymbu works on the space of political trauma and personal experience, which she fits into the modern social context. The bodily space becomes a unifying force through which a new world is born, bringing together natural, informational, and cognitive spaces. A poetic text becomes a way to overcome these limitations, and the space of the personal, comprehended by Rymbu in the context of the modern political situation, becomes a trigger provoking a change in optics from civil law to subjectively confidential.

Key words: subjective-spatial models, pragmatics of expression, bodily space, innovative poetry.

Сборник текстов Г. Рымбу «Жизнь в пространстве» был выпущен в серии «Новая поэзия» издательства «Новое литературное обозрение» в 2018 году. В него вошли циклы стихотворений, некоторые из которых ранее публиковались в печатных изданиях и интернет-платформах. Книга разбита на четыре незаглавленные главы и пятую — «Космический проспект».

© Андреева Е. Е., 2020

Поэт Анна Глазова в предисловии к сборнику определяет его основную тему — «материальность и организация материи во времени и пространстве, в первую очередь во времени и пространстве письма» [1, с. 6]. Язык становится не просто способом выражения пространств, а одним из самых основных полей и структур, которые одновременно обозначают границы мысли, но при этом стремятся эти границы нарушить. Об этом также упоминает, размышляя о поэтике Г. Рымбу, в своей статье Станислав Львовский: «новая субъектность предъявляет, парадоксальным образом, не вроде бы очевидное требование обособления. Напротив, она требует умения в те или иные моменты ощутить себя частью общности — не теряя при этом, однако, ясного представления о собственных границах и не жертвуя автономией — личной, социальной, культурной. Требование это оказывается тем более проблематичным, что оно только вначале предъявляется человеком Галиной Рымбу к поэту Галине Рымбу» [2]. Для автора особенно актуален вопрос о взаимодействии разных типов речи, присущих разным пространствам и категориям, особенно политико-социальному полю, которое ограничивает язык и заключает его в рамку стереотипного восприятия и предсказуемой интерпретации. О важности взаимодействий поля языка с актуальными социально-политическими событиями Галина Рымбу не раз упоминала, анализируя место своих текстов в современном поэтическом дискурсе [4, 5].

Так как языковое пространство обычно трактуется через призму пространств культурных, философских, политических и общественных, то Рымбу стремится освободить речь от условностей и ограничений, вернуть его в естественное поле природы и телесности, в котором субъекты равны. В этом отношении идея равенства пространств связана с социалистическими взглядами автора, которая стремится в своих текстах преодолеть не только классовую детерминированность, но также гендерную, возрастную, территориальную и культурную. Об использовании пространства языка как поля, объединяющего и соединяющего различные части действительности, также пишет Анна Глазова: «стихи превращаются в инвективу, выбрасывающую речь из поэзии в подобие юридического ходатайства в защиту пострадавших от человеческой несправедливости» [1, с. 9].

Но не только языковое пространство переосмысливается и по-новому обживается в текстах Рымбу. Социальное пространство, его вариации и фрагменты, становятся участниками построения нового утопического мира, в котором разные представители сообществ не разделены по идеологическим, материальным и физиологическим признакам, а переживают процесс воссоединения и взаимопроникновения. В восприятии субъекта любое пространство независимо от его территориального расположения накладывает границы, которые вкупе с языковыми ограничениями сковывают свободу. Язык же выступает в качестве уравнивающего поля, которое связывает между собой людей, сохраняя их идентичность и самостоятельность, но избегая разделения и обозначения рамок. Анализируя рефлексивную сущность текстов Рымбу, Глазова также отмечает объединяющую силу поэтического языка: «Это сообщество тех, кто ищет границ с ближними и находит общность с ними в совместном нащупывании и проживании границ» [1, с. 12]. Границы же, которые устанавливаются в обществе и языке, по мнению Рымбу, должны быть переосмыслены и перепридуманы заново с учетом социально-политических изменений, произошедших в России с 1990-х годов.

Категория времени в текстах Рымбу осмысливается через взаимодействие различных типов пространств. Указание на временной отрезок заменяется перечислением пространств, которые субъект переживал или представлял в определенный момент. При этом изменения, косвенно связанные с течением времени, касаются пространств, но минуют субъекта. Через пространства осмысливается и память, которая выступает в роли поля, хранящего незаконченные пространства и их языковое воплощение. Чувственный опыт, заключенный в пространстве памяти, впаивается в политическое поле с проживанием травмы прошлого так, что можно провести аналогию с насилием настоящего. Об этом пишет и сама Рымбу, размышляя об особенностях поэтики К. Корчагина: «Поэзия здесь — это, прежде всего, способ работы с коллективной травмой, возникающей как следствие отчуждения от истории: чтобы вырваться из травматического круга повторения и “вечного возвращения”, чтобы преодолеть тотальность травмы, нужно взять в руки осколки, “выпасть” во время, совладать с замкнутым пространством утраты» [6, с. 12].

В противовес пространству социальному Рымбу использует пространство телесное, отражающее мировоззрение субъекта высказывания. Главной отличительной особенностью функционирования тела как пространства является его пластичность. Так как Рымбу является активисткой феминистского движения в России и пропагандирует отсутствие социального ограничения в сексуальном выражении субъекта, то любое проявление чувственности интерпретируется в тексте как свобода проявления сущности не только с физиологической, но и с речевой стороны. Любое изменение ощущается через тело, оно является носителем языка и служит границей между реальностью и мышлением, выступая одновременно в роли проводника, транслирующего субъекта в мир вещественный и идейный. Половое различие не разделяет телесное пространство, а обозначает точки сближения субъектов, в которых происходит нивелирование границ. Язык в данном случае выступает как связывающий материал, а поэзия становится полем, освобождающим процесс слияния частей в целое: «Сила, сближающая людей, не способна непосредственно соединить их, она нуждается в посредстве, посредничестве чего-то, что организует среду их сообщества. Таким посредником — истцом — за силу притяжения и становится поэзия как сообщение» [1, с. 13]. Практически всегда телесное пространство соотносится с бытовым, сближая восприятие субъекта с границами реальности. Так как телесность естественна и неизбежна, то она не поглощает социальное пространство, а как бы наслаивается на него, стараясь разрушить рамки и условности, продиктованные государством и обществом. Пространство тела в текстах Рымбу часто выступает связующим элементом, выполняя и охраняющую функцию и обозначая архаическую тягу к разрушению и одновременному объединению.

Первый цикл поэтического сборника автора «Жизнь в пространстве» включает в себя основные типы реализации пространственных типов и инновационный подход к их функционированию в тексте. Стоит подробнее остановиться на одноименном тексте, открывающем сборник:

жизнь в ограниченном пространстве, так что недостоверно любое пространство; под мусорным куполом быстрые перемещения в поисках белой еды; перевернутый грузовик с продуктами, дождь, потоки грязи, сбивающие с ног, вывеска сбитыми символами о том, что было сохранено: то, что описывало, окружало ситуацию еще до слов. между отсутствием и проявлением — связки серого времени [3, с. 17].

В первой строке текста субъект высказывания фиксирует ограниченность пространства, находясь при этом непосредственно в его рамках, которые ставят под сомнение объективность и достоверность происходящего. Бытовое пространство фиксирует реальность, накладывающую социальные границы и подвергающую субъект насилию: «перевернутый грузовик с продуктами, дождь, потоки грязи, сбивающие с ног». Природное пространство становится частью быта, проникает в него, становится равноправным, смешивается в потоке интерпретаций, которые накладывает социальный контекст. Для Рымбу границы не абстрактные ограничения, наличие или отсутствие которых меняет прагматику высказывания, а жестко очерченные поля взаимодействий, которые непременно нужно сломать и побороть. Радикализация границ доходит до их манифестации. При этом Рымбу, много работая с социально-политическим дискурсом, понимает жесткость заложенных обществом норм, ограничивающих в первую очередь язык. Пространство реальности провоцирует субъект на производство определенного типа речи именно за счет отсутствия свободы выбора: «то, что описывало, окружало ситуацию еще до слов». Границы, которые устанавливаются между пространствами, содержатся не только и не столько в языке, сколько в государственном устройстве и стереотипизации дискурса. Время материализуется и понимается как связка прожитых субъектом пространств, величину которой можно измерить высказыванием с момента его задумки до воплощения.

Похожее взаимодействие между социальным пространством и субъектом можно увидеть в еще одном стихотворении цикла:

сознание вчерчивается в глубину состояния, в стену осоки над промышленным озером; толкование размещает дом на краю района, вызывая лифт тела в шахту представления. глубина малого места. держа за занавеску. интерфейс в стачке с потерянными временем, промышленный череп, поднятый над домом, раскрытые половицы; она продолжает говорить по телефону и собирать *вещи девушки*, он затемнен — ближе к стене [3, с. 19].

В данном тексте к социальному и бытовому пространству добавляется пространство телесное, осмысленное субъектом через призму чувственного опыта. Эмоциональное изменение происходит через смену пространственных структур, ментальное переходит в природное и трансформируется в бытовое: «сознание вчерчивается в глубине состояния, в стену осоки над промышленным озером». Тело становится связующим звеном между архитектурными ландшафтами, обозначающими социальное пространство, и языковым пространством, которое заключено в рамки политического и исторического опыта субъекта. Автор использует урбанистическую метафору, чтобы показать зависимость тела и сознания: «толкование размещает дом на краю района, вызывая лифт тела в шахту представления». Речь может дойти до адресата только через преодоление границ, в том числе разрушая и границы интерпретации, обусловленные классовым или культурным контекстом. В этом также отчетливо виден мотив Рымбу не просто объединять различные пространственные разновидности в одно поле, но и накладывать один вид на другой, стараясь избегать отчуждения и градации. В тексте заметна попытка придать высказыванию объективность за счет использования документальной интонации, выведения субъекта за границы описываемых пространств. Он проявляется через перечисление действий, выполняя при этом функцию проектора: «она продолжает говорить по телефону и собирать *вещи девушки*, он затемнен — ближе

к стене». Это не субъект, нейтрально находящийся за текстом, а субъект-камера, взгляд которого и является границами, которые Рымбу хочет взорвать.

Динамика пространств, их возможность постоянного изменения и взаимного проникновения также является одной из самых необходимых функций текста:

снова движение прибито к земле, и пьет свой старый напиток владыка-рабочий в глубине ледника. черное солнце горы спускается в ящик припадка. чувствуешь, как останки травы обнимают лицо. холодные камеры в каплях лица, которые смотрят, как в другой глубине он становится ей, становится столпотворением, ночной органикой перехода под безлюдным знаком ножа. в открытом пространстве, врезаясь в границы, освещенные холодным сиянием соединений мелких животных, она наблюдает, как он становится ей; и пустыня противодействия одолевает его спящее тело [3, с. 22].

Взаимное проникновение телесного и природного пространств проявляется в тексте постепенно. Через движение, через наложение одного пространства на другое показано зарождение поэтического текста, вбирающего в себя окружающую действительность. Преодоление границ в цикле «Жизнь в пространстве» происходит не через разрыв, а через постепенное сглаживание различий: «черное солнце спускается в ящик припадка. чувствуешь, как останки травы обнимают лицо». Процесс осмысливания пространств происходит через телесное восприятие субъекта, при этом его точка зрения в рамках текста меняется с личной на отстраненную, фиксирующую движение за пределами пространства: «холодные камеры в каплях лица, которые смотрят, как в другой глубине он становится ей, становится столпотворением, ночной органикой перехода под безлюдным знаком ножа». Динамика пространств позволяет им менять свою структуру, преодолевать гендерные («становится ей»), личностные («становится столпотворением») границы, становясь не просто свободным пространством, а самой возможностью существования без ограничений.

Рымбу стремится преодолеть и языковые границы, вернуть тексту способность существовать вне каких-либо ограничений. Любой опыт, полученный субъектом, должен не сковывать язык и сужать сферу его реализации, а добавлять тексту новые поля и пространства, существующие вне субъекта, но сохраняя память о нем:

как будто иглой ты стала, стала этим утром и прокалываешь восприятие; и снова все в шов возвращается: то, что ты моя мать или книга, — вы вместе погружены в песок лица. капли камер, собранные другими из нас, из нашего опыта, тонкие тени, организующие огонь и глину, доставляют касание к тебе через невозможный момент, пропущенный знак в действительной книге [3, с. 28].

Как уже говорилось выше, язык Рымбу воспринимается как инструмент и объединяющее поле, организующее и примиряющее идеологически и функционально различные пространственные типы. Он становится и иглой, сшивающей пространство и субъекта, и временем, в котором слово и вещь сходятся в одной плоскости. Любое ограничение снимается, обнажая способность субъекта переходить из одного состояния в другое: «то, что ты моя мать или книга, — вы вместе погружены в песок лица». Через язык происходит объединение телесного и природного, субъект выходит за границы своего восприятия и присваивает себе вселенский опыт: «капли камер, собранные другими из нас, из нашего опыта, тонкие тени, организующие огонь и глину».

Таким образом, можно заметить, что цикл «Жизнь в пространстве» более ориентирован на работу с идеологическим полем, в то время как последующие циклы сосредотачиваются на осмыслении социально-политической ситуации и преодолении границ личного опыта самой Рымбу.

Список литературы

1. Глазова А. Истец за силу // Рымбу Г. Жизнь в пространстве. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 5—14.
2. Львовский С. Галине Рымбу: Полностью проживаемое происходящее // Воздух. 2016. № 1. URL: <http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2016-1/lvovsky-orymbu/> (дата обращения: 16.11.2020).
3. Рымбу Г. Жизнь в пространстве. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 128 с.
4. Рымбу Г. Интервью // Воздух. 2016. № 1. URL: <http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2016-1/rymbu-interview/> (дата обращения: 10.11.2020).
5. Рымбу Г. «Задача политической поэзии — подрыв ложной надклассовой ментальности» [интервью] // Российское социалистическое движение. 2016. 10 февр. URL: http://anticapitalist.ru/archive/kultura/galina_rymbu_zadacha_politicheskoy_poezii_v_podryive_lozhnoj_nadklassovoj_mentalnosti.html (дата обращения: 06.11.2020).
6. Рымбу Г. Обитатели руин // Корчагин К. Все вещи мира. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 5—24.

УДК 821.161.1-1

ББК 83.3(2=411.2)64-45

DOI: 10.46726/H.2020.4.2

В. А. Гавриков

ИМЯ ИМЕН АЛЕКСАНДРА БАШЛАЧЕВА

Александр Башлачев создал сложный поэтический миф, который трудно связать с неомифологизмом. Скорее поэт пытался восстановить древнее реликтовое мышление с учетом достижений современной поэзии. Сердцевиной сакрального башлачевского мифа является мифологема Имя Имен. Это сложный комплекс отсылок к различным религиозным и философским традициям, к различным интертекстам. Ядром Имени Имен являются библейские отсылки: как ветхозаветные, так и новозаветные. Главные среди них: история о Вавилонской башне и мотивы, связанные с Рождеством Христовым. Однако прецедентные мотивы у Башлачева серьезно изменены: речь идет не только о переосмыслении сакраментальных событий, но об их повторении в будущем. Это повторение библейских историй переносится на русскую почву: рождения Имени Имен в виде младенца Башлачев ждет именно на русских просторах. Тем не менее Имя Имен не только антропоморфно: оно может соотноситься с древнегреческим и христианским Логосами, с восточным Дао и др. Имя Имен — это еще и синтетическая религия, в которой аккумулируются все мировые верования на манер движения Нью-Эйдж. Главное же в Имени Имен — его апокалипсический подтекст: поэт ждет скорого обновления мира, и главным «делателем» Апокалипсиса будет именно Имя Имен.

Ключевые слова: Александр Башлачев, Имя Имен, миф, библейские события, Апокалипсис, мировые религии, Логос, Дао.